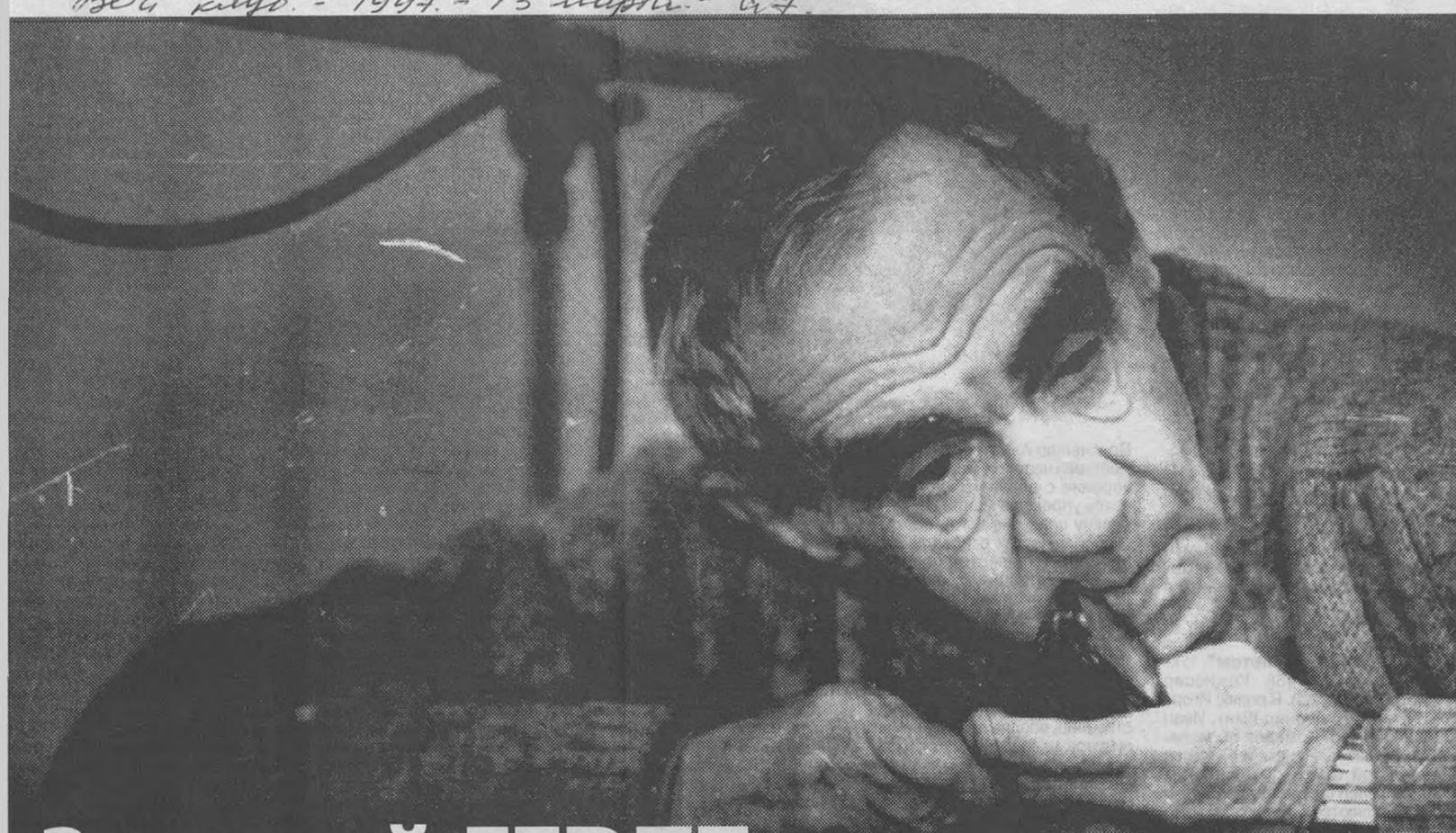

1997. - 13 марта - 97.

ФОТО ИГОРЯ ИВАДИКОВА. Концерт "ЭМ"

Зиновий ГЕРДТ: Иногда я без презрения смотрю на себя

Зиновия Гердта будут помнить очень и очень долго. Говорить в очередной раз о его значении — значит снова говорить о бесспорном. Его невозможно было не слушать, невозможно было отвлечься, оторваться от его рассказа. Да, голос завораживающий, да, жесты непередаваемые! Но и мудрость за всем этим. Мудрость человека, прожившего долгую жизнь. Послушаем его еще раз. Это интервью, взятое незадолго до смерти Зиновия Ефимовича, никогда не публиковалось.

— Зиновий Ефимович, расскажите, как вы начинали.
— Все сложилось чрезвычайно банально, как у миллионов людей. После семилетнего обучения в школе пошел в ФЗУ учиться на слесаря-электрика. И там — с 1931 года — я параллельно был в самодеятельном театре — ТРАМЕ. ТРАМ — это театр рабочей молодежи. Руководителями этого театра были Алексей Арбузов и Валентин Плучек, и из этого театра потом вышла студия с сочинением и постановкой пьесы "Город на заре" о строительстве Комсомольска-на-Амуре. Конечно, эта пьеса была лишь нашим представлением о том, как строился этот город. Оно никаким образом не отражало истинной картины: строили каторжане, а вся наша трескотня — комсомольская стройка. Мы были в замечательном заблуждении, мы были совершенно легковесны и верили лозунгам, прессе. И родители наши во все это верили. Хотя ни их, ни кого-то другого винить в этом я не хочу. Я уже устал кого-то винить, кроме явных подлецов, вралей и обманщиков народа. Их я виню. А в остальное винить надо только себя. Единственно продуктивный метод жизни — чувство собственной вины. Тогда ты как-то совершенствуешься.

— Вы вините себя за то, что не сразу сумели вырваться из этого круга лжи?
— В условиях тотальной лжи на это были способны редкие умы и редкие души. Души — вольнолюбивые изначально. Мы же были, как и все, баранами, чувствовали себя прекрасно, а рядом творилось бог знает что. Мы многое просто не хотели замечать. Ведь я все детство голодал, всю юность и даже будущую взрослость. Я всегда голодал! У меня была пайка хлеба за непомерный труд. В метрострое у меня была ударная карточка, по которой я мог в столовой получить обед или ужин. Но я прекрасно помню эту еду. Что это была за еда?! Перловая каша с соленой отварной рыбой. Было еще немного хлеба. Но это — по рабочей карточке. А что иждивенцы ели? Все это сейчас забыли те, кто кричит против кого-то под красным знаменем. Причем кричат люди, всю жизнь прожившие и гнившие в подвалах и коммуналках. Я их не виню ни в чем, они другого никогда не знали, они не читали настоящих книг, они всю жизнь читали "Кавалера Золотой звезды". Они не читали Толстого.

— Видимо, мы еще внутренне не готовы к свободе.
— Конечно, нет. Какая там свобода! Ведь ужас моего-то положения в том, что я очень рано стал выезжать в большую границу и видел настоящее. И врал! Вся жизнь там врал про то, как у нас прекрасно: "Да что вы! Это все ваша пропаганда, будто у нас в СССР нет свободы! Да приезжайте ко мне..." Какое "ко мне", что вы! Мы ни в какую страну ни разу не выезжали без людей от КГБ. А как

я улыбался перед какими-то инструкторами райкомов, которые мне должны были подписать анкету! Улыбался перед мальчишками, которые были хозяевами моей судьбы! Это ужасно!

— Сейчас многие из этих людей стали депутатами, генералами, членами разных администраций...
— Да! И этим людям я должен аплодировать, верить им, голодовать за них? Или вообще слушать их? Почему я, старый человек, вполне культурный, сделавший сам себя (меня не воспитывали гувернантки и не в профессорской семье я родился), почему я должен слушать этих недоучек и невежд?! Вы послушайте, на каком языке разговаривают члены правительства России! Даже национальные меньшинства говорят по-русски гораздо лучше, чем русские министры! Это кошмар!

Я однажды залюбил Ельцина, когда он в каком-то небольшом кругу очень знаменитых людей — писателей и артистов — совершенно откровенно сказал: "Вы знаете, у меня огромный пробел в культуре. И мне так полезно быть среди вас, слушать, КАК вы разговариваете". Мне пришлось по душе, что человек знает об этом своем "пробеле". Он понимает, что он президент и что он должен говорить на хорошем русском языке. А ведь многие не знают о своих пробелах и считают, что они — соль земли.

— Давайте вернемся к вашей биографии. Вот закончили вы ФЗУ...
— Что говорить про себя? Потом — война. Хотя у меня было освобождение, я все равно пошел на фронт в числе десяти человек из арбузовской студии. Вернулось нас трое. Я пришел сильно раненный, и с актерством вроде бы было покончено. Но я нашел выход — спрятался за ширмой кукольного театра.

— Сейчас не жалеете?
— Сейчас уже поздно что-то исправлять. Впереди времени очень мало осталось. Есть внук, которому можно что-то внушить. Не словарно, а поведением собственным. Я думаю, больше ничем на молодых людей влиять нельзя.

— Протрубив там тридцать шесть лет. Я очень благодарен судьбе за то, что я так много там проработал и очень много узнал про искусство и про жизнь людей на всем земном шаре, потому что очень много ездил, очень много повидал стран. И в нашем коллективе (хотя я ненавижу это слово и всю жизнь боролся с коллективом), отстаивая свою точку зрения) был, как и везде, очень маленький процент настоящих людей. Но в этом театре они все-таки были. Я знал: как бы мы ни ссорились с Образцовым, он не предаст. Хотя в театре, конечно, были и предатели, и стукачи.

— Вы умеете определять настоящих людей?
— Нет. Физиономически я мало что различаю в людях, я ошибаюсь очень часто: влюбляюсь сплошь и рядом, а потом... Моя жена гораздо точнее определяет качество человека. Просто с первого взгляда. А я зачастую ужасно обманываюсь. Влюбляюсь сплошь и рядом. Но иногда попадаю в точку, в десятку, и тогда появляются великие друзья и великие души. Умеющий дружить человек — очень редкое свойство, это, я думаю, одно из самых великих свойств человека.

— Зиновий Ефимович, а вот если бы вам в детстве рассказали, что ваша судьба

сложится так, как она сложилась, вы бы поверили?
— Нет, не поверил бы, конечно. Потому что я верил в мировой коммунизм, в мировую революцию. У Павла Когана есть знаменитое стихотворение, которое мы все тогда в юности читали, и оно заканчивалось вполне империалистическим четверостишием:

**Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!**

Нам это безумно нравилось! Идея мировой революции владыка нами основательно. Правда, до поры, до времени. До войны. На войне у меня был друг — математик Харьковско-го университета Иван Абрамович Агарков. Необыкновенный человек! Мы очень тесно дружили. Он был зверски убит на войне немцами. Зверски! Они нашли у него партибилет... Агарков был старше меня лет на пять, и это было очень важно. Он был необыкновенно умен, он мне на очень многое открыл глаза. Я понял, что такое Сталин. И после этого я стал жить двойной жизнью, уже в те времена. Мне было 25 — 26 лет, и уже в то время я стал жить совершенно безнравственной двойной жизнью. И вот эта безнравственность, двойственность моего существования длилась до Горбачева. Я совершенно откровенно говорю, что не было у меня героического в душе и я не мог пожертвовать семьей, близкими, не мог выйти на площадь, как те замечательные люди, совершенные герои, которые протестовали против вторжения наших войск в Чехословакию. Я знал, что это хамское империалистическое вторжение, но выйти не мог.

— Вы говорили о том, что вами командовали мальчишки и хамы. А сами вы могли бы командовать людьми.

— Вы знаете, самое несчастное время моей жизни — когда я был командиром. И от меня зависели взрослые — старше меня — люди. Я очень стеснялся быть их повелителем, а ведь я совершенно безраздельно ими владел. Они даже через мою голову не имели права обратиться к командиру полка. Настолько они были подомной. И это ставило меня в такое чудовищное, нелепое и жгучее положение! Какое я имею право? Кто я?!

— Зиновий Ефимович, дайте немного изменим тему. Я знаю, что один из ваших учителей — Чарльз Спенсер Чаплин. Когда вы впервые его увидели?

— Увидел я его, когда и все советские люди, — при Сталине. Сталин очень любил Чаплина. Была картина "Новые времена". Я ее видел бесчисленное количество раз. Потом у меня появился такой пароль: с людьми я сходилась на том, как они относятся к Чаплину. Скажем, Петя Тодоровский. Мы не разделили воду оттого, что Петя знает все мелодии всех картин Чаплина и даже лучше, чем я. Он ведь еще музыкант и на гитаре изображает совершенно все самое дорогое для меня на свете. И в этом мы с ним в связке.

Или поэзия. С Сашей Володиным мы сошлись случайно — оттого, что он сказал какую-то строчку из Пастернака, а я сказал следующую. И вот так до сих пор мы кричим друг другу стихи. Это пароль. Ничего с этим нельзя сделать, и, слава Богу, все это так и длится. Чаплин, по всей видимости, па-

раллельно со Станиславским создавал свою систему актерской жизни на экране, на сцене. Но я думаю, что Станиславский очень многое списал с Чаплина. Может, это моя странная догадка, которая не имеет ничего общего с историей, но вся система Станиславского — в каждом эпизоде Чаплина.

— Вы помните уйму стихов. А сами стихи когда-нибудь писали?

— Нет. Стихов никогда не писал, потому что я очень хорошо знаю, что такое стихи. Из огромного числа графоманов выделяется очень маленький процент поэтов. Иначе не бывает. Так было всю жизнь и так будет всегда во всех народах и во всех культурах: талант — маленький процент от дилетантов, от пробующих.

— Как вы считаете, важнее талант или большая работа?
— Конечно, талант важнее. Потому что в русской поэзии есть личности ленивые, но лень не делает их менее прекрасными и великими.

— А вам повезло с талантом?
— Нет. С ленью повезло, а с талантом — нет. Хотя в чем-то иногда я без презрения смотрю на себя.

— Была ли у вас работа, роль, занятие, которые дали вам возможность использовать все свои силы?

— Нет, такого, по-моему, не бывает вообще. Ни у кого.

— Спрошу иначе: в чем вам удалось наиболее полно самовыразиться?
— В дедовщине. Я — дедушка. И вот в этом я выражаюсь довольно активно.

— Помимо театра и кино, вы пробовали в чем-нибудь свои силы?

— Ни фотографировать, ни рисовать, ни музицировать, к несчастью, я не умею. Хотя есть одна форма, которая меня держит довольно основательно: это встречи с публикой, мои устные вечера. Это мне замечательно интересно, да и публике тоже. Но ко мне приходит несколько особая, отобранная публика. Самое замечательное, что я наблюдаю в последние годы, — молодых очень много приходит. Это так меня изумляет! Почему им это интересно?!

— Но наверняка и вы в юном возрасте приходили на артистов, которые были много старше вас?

— Конечно! Я сейчас удивляюсь: когда иду в Дом кино, у меня никто не спрашивает членский билет или пропуск. Говорят: "Здравствуйте, Зиновий Ефимович!" А я помню, как я стоял у входа в какие-то залы и говорил входящим: "Можно я тоже с вами пройду?" Сегодня подобные слова говорят мне. "Боже мой, — думаю я. — Это значит, я такой старый и маститый? Что со мной происходит!" Даже ГАИшники не спрашивают документы у меня! ГАИ! И я думаю: какой я старый, но знаменитый. Так что у старости есть свое преимущество.

— Вы любите смотреть фильмы, в которых снимались?

— Я однажды что-то смотрел и сделал для себя массу открытий: это сыграно не так, это глупо, то бездарно, и больше я не смотрю картин с моим участием никогда. Даже, честно сказать, "Золотого теленка" я до конца ни разу не видел. А на днях показывали "Биндюжник и король", я посмотрел какие-то две сценки и выключил. Я не мог смотреть. Совсем не мог смотреть! Мне все это было поперек!

— Что в нынешнее время приносит вам наибольшую радость?

— Сплетни, болтовня с друзьями, с единомышленниками, выпивать, закусывать — обязательно вкусно — и трепаться про все на свете. Анекдоты — обожаю! Это приносит даже творческую радость. И еще — если удастся когда-нибудь остро словие, что-то остроумное.

— Вы всегда делали в искусстве то, что хотели, или приходилось идти на компромиссы?

— В общем-то — всегда делал, что хотел. Даже когда Образцов предложил роль в пьесе Агнии Барто. А так как я к этой даме относился не очень хорошо, я не захотел играть в ее пьесе. Она звонила, Сергей Владимирович звонил, но я сказал: пусть меня увольняют — но я играть не буду. Но меня не уволили. Играл я всегда то, что хотел. Причем, если это не классика, если это не Гете, я всегда переделывал текст под себя.

— А в здании на Лубянке вам не интересовались?
— Нет, этого не было.

— Что вам больше всего ненавистно?
— Хамство. Рассказать вам случай про волшебную силу искусства? У нас в прошлом году кто-то ежедневно мочился в лифте. Ежедневно! А что можно сделать? Как поймаешь? И я сочинил маленькую поэму и приклеил ее в лифте. Поэма в двух строках с прекрасной рифмой:

**Дорогие! Осчастливьте!
Перестаньте писать
в лифте!**

Это висело примерно три недели, но по сей день все это безобразие прекратилось. Вот я считаю, что я что-то сделал для своего народа.

— Зиновий Ефимович, что, по-вашему, в первую очередь воспитывает интеллигентность в человеке?

— Конечно, не священники, не муллы и не равнины, а только великая русская литература. Я очень огорчен тем, что люди чрезмерно увлекаются детективами, фантастикой и не читают Тургенева, Толстого, не говоря уже о Достоевском и Чехове. Если человек до тридцати лет не дошел до Достоевского — это хана! Ни черта не будет. Он может быть богатым, хорошо жить, ездить на шикарных автомобилях, но человечеству он ничего не прибавит. И к тому, что называют нравственным идеалом, он никогда не приблизится. Ужасно, что страна, обладающая таким огромным пиришеством литературы, страна, где есть Толстой, читает все время майора Гринина. Посмотрите, что читают в электричках, что продают в перелогах! Это такое убожество! Это мракобесие! Это все безбожно! Хотя мне претит и популярная литература о Христе. Если человек не дошел еще до чтения Библии, Евангелия, значит, у него вообще очень плохо дело с воспитанием, с работой души. И никакие проповеди — если это, конечно, не Бердяев и не Флоренский — ему не помогут, я так думаю.

— Зиновий Ефимович, приятно быть знаменитым?

— Вы знаете, мечтать быть знаменитым — это удел юношей. Может, и у меня была такая мечта, но теперь, когда она вроде бы воплотилась, я понимаю, что это самое неинтересное в моей жизни. Меня действительно узнают, говорят добрые слова. Это хорошо и приятно, но думать о том, что ты знаменитый и достиг чего-то, — это пошло и очень тривиально.

Беседовал
Андрей КРАВЧЕНКО.